
ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.К. Филиппов

ПРЕДЫСТОРИЯ ОРУДИЙНОЙ И СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Искусственные средства деятельности в эволюции человека нижнего палеолита часто объясняют слишком общо, прямолинейно, как форму активной механической адаптации в среде, и, как правило, по стадийной схеме. Упрощенность наших знаний зависит, главным образом, от неполноты информации, полученной на основании археологических раскопок, которые никогда не могут дать нам материал для воссоздания конкретной картины жизни древних людей. Впрочем, значительный прорыв в этом отношении был сделан С.А. Семеновым и его учениками при разработке методов функциональных определений орудий труда дописьменной истории человечества. Изучение технологии изготовления и использования каменных орудий по следам износа на основе экспериментальных эталонов позволило доказательно раскрыть или существенно уточнить не только виды рабочих операций, производившихся нашими древнейшими предками сотни и даже миллионы лет назад, но и заглянуть в конкретные виды домашнехозяйственной деятельности наших прародителей. Конечно, труд, даже самый примитивный, определяется осознанием целей. Проблема возникновения многообразных форм человеческой деятельности, в том числе и сознания, в свою очередь породила интерес археологов к палеоантропологии, к изучению биологической природы человека, к исследованию интеллектуальных способностей человекообразных обезьян и их предметной активности.

Предыстория и первобытная история орудийной деятельности антропоидов и человека в науке была в центре интересов ученых, связанных с так называемым антропологическим материализмом. Хорошо известны работы И.П. Павлова, Н.Н. Ладыгиной-Коте, Н.А. Тих, Л.А. Фирсова. Это только начало списка известных советских и российских ученых. Если перечислить всех крупнейших антропологов и палеопсихологов, то он будет очень впечатляющим. Центральное место у всех исследователей, конечно, занимал великий Ч. Дарвин. Работами антро-

пологов и палеопсихологов живо интересовались археологи М.М. Герасимов, П.И. Борисковский, Г.А. Бонч-Осмоловский, С.А. Семенов и многие другие. В настоящее время существуют обширные свидетельства об орудийной деятельности обезьян в природной естественной среде. Шимпанзе очищают ветки от листьев для ловли термитов и муравьев, манипулируют разными палками при добыче меда, используют жеванный лист как губку для впитывания, добывания воды, они способны также при помощи камня колоть орехи на наковальне. Самцы нередко применяют палки и камни в отпугивании других животных.

Данные об использовании шимпанзе знаков поразительны. Широко известен опыт Гарднеров с самкой шимпанзе Уошо. В течение трех лет обучения в ее багаже общения с человеком оказалось 85 слов. Это были слова-жесты. В первую очередь личные местоимения «ты», «я», «он». Нет смысла останавливаться на этом подробно. Эти эксперименты достаточно хорошо описаны, и все их знают¹.

Около пяти лет тому назад в Санкт-Петербурге Л.А. Фирсов со своими коллегами организовал выставку «Обезьяны, берущие палки». Это была выставка обезьяньих рисунков красками. Кстати, живописные работы продавались, и если бы никто не сказал, что это творчество обезьян, рисунки можно было бы отнести к опусам художников-ташистов, картины которых состоят из цветных мазков и пятен густыми и жидкими красками. Ташисты постулируют бессознательный подход к творчеству. На этой выставке я видел как рисует орангутанг Моника. Речь идет непосредственно о процессе рисования. Монике даются белый лист бумаги и краска. Естественно, бумага имеет границы. Как правило, мазки кистью, а чаще пальцами приходится на центр. Первое пятно или черта активизируют, привлекают внимание обезьяны, и она трет и красит по центру. Кисть держит в кулаке. В этом случае наиболее реальны простые устойчивые движения сверху вниз и вверх по вертикали. По мнению экспериментаторов, при разделении изобразительного поля чистой бумаги вертикальной линией шимпанзе, горилла и орангутанг как правило рисовали на правой или левой половине. Линию они перечеркивали исключительно редко. При другом разделении листа такое преимущество не обнаружено. Таким образом, человекообразные обезьяны в каких-то случаях чувствуют целостность и спонтанно, бессознательно способны не разрушать ее. Все эти опыты с обезьянами, говорящими или почти говорящими на языке глухонемых, рисующими на листе бумаги красками, использующими от случая к случаю орудия для добывания пищи и воды, свидетельствуют как будто бы только о количественных различиях чувственных и интеллектуальных потенций человека и обезьяны.

Однако существуют и другие интерпретации. В орудийной деятельности приматов существуют свои ограничения. Вот что пишет К.Р. Гибсон: «В целом у приматов отсутствуют те схемы применения орудий, которые и у детей человека развиваются довольно поздно, и которые требуют одновременного удержания в поле внимания нескольких пространственных отношений или объектов». Что касается распространенного мнения о больших способностях обезьян к подражанию, то на это Майкл Томазелло отвечает, что эти способности очень ограничены, а экспериментальные попытки обучить воспитанных в неволе обезьян при помощи подражания не привели к успеху³. Иногда кажется, что применение орудия освоено обезьяной благодаря ее наблюдениям, но в результате этот процесс оказывается связанным с более простыми явлениями. Анализ жестового языка обезьян приводит к аналогичным выводам. М. Томазелло говорит, что шимпанзе, сориентировавшись в задаче, далее учатся сами, а человек напротив занимается прямым обучением с помощью речи и наблюдения. Обратимся к фактам археологии. В культуре обезьян искусственные средства появляются, но не аккумулируются. У их орудий нет истории. И, естественно, эти орудия мы, археологи, не находим. Аккумуляция и история техники и технологии начинается с олдувайских и раннеашельских индустрий. В Восточной Африке они сосуществовали параллельно друг с другом. В конструкции некоторых артефактов ашельских индустрий в противопоставлении рукояточной и рабочей частей четко просматривается концепция с его, если можно так сказать применительно к примитивному производству, эргономическими и комфортными характеристиками. Каменные орудия труда раннего ашеля оказались наиболее простыми концептуальными конструкциями. Именно ощущение пользы хорошо, удобно изготовленных орудий стало главным завоеванием человека ашело-мустьерского времени; именно в целостности изготовленных предметов, целостности высокого уровня можно усмотреть как бы две общие, абсолютно неразрывные функции изделий человека: одна обращена в сторону преобразования природы, другая – к человеку, его представлениям, эмоциям и чувствам, к его поведению. И целостность вначале является свидетельством объединения кинематически родственных функций.

Регулярно действующая система ручного труда предполагает воспроизводящую потребность в постоянных орудиях и соответственно осознание конечных целей их применения. Производственная цепочка начинает связывать многие операции разных действий: ведь даже охотничья добыча – всего лишь сырье: мясо необходимо обработать огнем, шкуру превратить в одежду, срубленное дерево – в изделие. На этом

уровне нет чистого присвоения природного продукта, если не считать сбора ягод и корней, употребляемых в сыром виде. У определенных орудий регулярно возникает функция изготовления орудий (!). Для понимания эмоционально-положительного отношения человека к своим изделиям исследователи обычно обращаются к двусторонне обработанным орудиям. И это не случайно. Трудоемкая двусторонняя обработка есть свидетельство заботы о форме.

12.6.2008 К таким орудиям относятся рубила и остроконечники. Они часто бывают грубой общей формы с неровными краями и плохо выраженными рукояточными частями. В то же время наряду с этими грубыми орудиями существовали, особенно с середины ашеля, аналогичные универсальные кинематически родственные по функциям орудия, у которых качество обработки и форма разительно отличались своим совершенством. По нашей оценке, они были «лучшими в своем роде», симметричны по форме, с тонкими отретушированными ровными лезвиями. Их стороны имели предельное уплощение без грубых заломов-заусенец. Острие, лезвие, искусственно изготовленная рукояточная часть обладали не только конструктивной ясностью, но и соразмерностью между собой и по отношению к руке. Такая форма становилась говорящим «предметом-знаком», «предметом-образом», «предметом-понятием». Она отражала то, для чего орудие предназначено, как использовалось и какое мастерство было нужно для его изготовления. Подобные орудия-идеализации, входящие в «социально-практические системы знаков», становились не только средством обработки тех или иных материалов, но и, в основном на бессознательном уровне, своеобразным средством общения, в том числе и эмоционального. Ведь это были изделия «лучшие в своем роде», то есть предметы-образы многочисленных конкретных орудий. Орудие становится носителем символической функции и не просто обычной, как бы нейтральной информации, а информации эстетической, когда целостная совершенная форма и структура вещи вне зависимости от непосредственной биолого-социальной пользы вызывает положительно окрашенную чувственную реакцию, а при нарушении целостности — реакцию отрицательную. Об элементах эстетического отношения в нижнем и среднем палеолите в свое время не раз упоминали А. Брейль, Л. Нужье, А. Люмлей и другие. Они имели в виду прежде всего прекрасные ашельские миндалевидные рубила, но наряду с этим отмечали и удивительно правильные сфероиды из Олдувая.

Конечно, артефакты человеческой деятельности на протяжении нижнего и верхнего палеолита имеют количественные несоответствия, но между животным миром и человеческим существуют качественные

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Госуниверситета

г.Екатеринбург

различия. Аккумуляция культуры – вот специфический феномен человека с его языковой символической Вселенной. Наши обезьяноподобные предки-австралопитеки своими каменными или деревянными посредниками, при помощи которых они добывали пищу и строили убежища, вряд ли могут дать нам свидетельства историко-технического прогресса. Здесь нет специализации «посредников орудий», здесь нет следов насаивания одной функции на другую, здесь нет универсализма целостности и, наконец, здесь нет того отношения к высшему проявлению целостности, которое мы называем эстетическим отношением.

С.А. Семенов ясно понимал развитие древнейшей техники как единый непрерывный процесс и у него никогда не было сомнений в том, что между обезьяноподобным протопредком и человеком существовал рубикон, который четко фиксировался в функциях орудий труда и их форме, то есть в изменении угла заострения, в более тщательной обработке скользящих поверхностей, в создании новых форм из новых материалов. Здесь аккумуляция свойств орудий нарастает, формируя историю техники. Остановимся чуть-чуть подробнее на некоторых вопросах. Конечно, основные разновидности ручного труда охотников и собирателей первобытного общества хорошо известны из этнографии. Так, например, в человеческой памяти сохранились такие средства земледельческого труда как палки-копалки или молотильные доски с кремневыми вкладышами. Если же обратиться к производству самих орудий, в том числе в домашнехозяйственной деятельности, то этнографические наблюдения дают информацию об изготовлении каменных лучковых сверл, различного рода ножей, скребел-скребков, то есть орудий так называемых домашних ремесел. Существуют общие ограничения ручных манипуляций. С одной стороны, это зависит от кинематики, связанной с той или иной конкретной операцией: движения руки постоянны и достаточно четко повторяемы, с другой, в иных рамках, они непостоянны, так как рука не является жестко фиксированной конструкцией. Естественно, примеры производства орудий, извлеченные из поздней этнографии, отражающие кинематику движения руки в определенных рабочих операциях, будут идентичны образцам из каменного века. Чем дальше мы движемся вглубь веков, исследуя износ каменных орудий, тем беднее наши наблюдения. Мы ограничены очень небольшим спектром материалов, из которых сделаны орудия: это различные породы камня, раковины, обожженная глина-керамика, дерево, кость и тому подобное.

Исходя из вышеизложенных соображений и наших трасологических наблюдений, мы разделили, к примеру, верхнепалеолитические скребки на орудия для обработки мягких волокнистых и твердых матери-

алов. Понятно, что это очень общее заключение. Другой пример – изготовление изделий с резцевидным сколом, когда этот скол выполнял функцию рабочего лезвия, черешка или ядрища. Ножи – самые универсальные орудия: не теряя своей универсальности они получили свою специфику. Постепенно в терминологии трасологов появились многофункциональные орудия (полифункциональные), запутавшие, как кажется, наши знания о всем первобытном производстве. Подчеркнем, что связь далеких предков с природой в значительной степени была более непосредственной, и, как мне думается, необходимо повторить, что функции древних орудий проявлялись, прежде всего, в примитивном универсализме. Определенно надо различать естественную специализацию, при которой функция долота-пробойника, провертки, шила, иглы не могла быть иной. Шило или иглу, например, трудно употребить в другой функции, хотя бывают и исключения.

Специализация орудий имеет несколько уровней. Более высокие уровни специализации связаны с организацией деятельности, с распределением труда между общинами, расположенными у местонахождений наиболее качественного сырья. На этой основе, по-видимому, возникают и простейшие формы обмена, и специализированные формы орудий ручного труда. Наряду с последними существовали орудия универсальные. Например, различного рода «ножи». Когда у некоторых нижнепалеолитических каменных изделий определяется функция мясных ножей и, более того, когда функция соотносится с устойчивой формой орудия, тогда возникают сомнения не в конкретных трасологических определениях, а вообще – в понимании системы употребления различных отщепов и пластин, у которых имеется какая-то протяженность кромки и само острие. В различных ситуациях, например, в пункте забоя животного и его свежевания-разделки, орудия по комплексу функций будут очень направленными: разрубание и разрезание. В этом плане процентные соотношения показателей различных рабочих операций в технологической культуре данной общины могут оказаться ошибочными. Наиболее сложен анализ трасологических данных орудий «эокультуры» человека. Так, не наблюдаются существенные различия по следам износа орудий между олдувайскими индустриями и индустриями так называемой раннеашельской эпохи. И то, что рубило – более позднее орудие, чем чоппер – факт абсолютно оспоримый. В том и другом случае присутствует только естественная простая или усложненная рабочим процессом специализация. Эти индустрии, как отмечено выше, сосуществуют рядом. В материалах Кооби Фор (Вост. Африка) обнаружены каменные отщепы со следами, образованными срезанием тростника, разделкой

мяса и обработкой дерева. Среди различных отщепов выделены ножи, пилки, скребки и другие орудия⁴. Хотя в полном смысле слова, это каменные сколы со следами использования в различных рабочих операциях.

Таким образом, археологическая и палеоантропологическая проблемы объединяются. *Homo erectus* в Восточной Африке датируется по данным разных авторов – 1,8–1,5 млн лет. Остается непонятным внезапное превращение «прямоходящей обезьяны» в человека, если учитывать ту систему целенаправленных действий, которые подтверщаются археологической трасологией. Странно, что недумаящая обезьяна стала вдруг думающей и занялась ни с того ни с сего трудом. С самого начала, фиксируемого археологами, в популяции этих обезьяноподобных существ (?) возникает производяще-техническая система «ядро-скол». Это, с одной стороны, чоппер-ядрище и острый с ножевидным лезвием отщеп, с другой, – действие человеческого ума, то есть символическое отражение предметной деятельности. Такая система, потенциально позволяя расчленять и обрабатывать более мягкие материалы, в принципе, дает возможность создавать из них любую целесообразную форму. Конечно, следы износа на каменных орудиях не образуются случайно или от одноразового употребления. И то, что такие повторяющиеся следы оставили наши далекие предки – факт почти фантастический, это свидетельствует против случайности (!) и определенно говорит в пользу относительно быстро сложившейся традиционно устойчивой трудовой кооперации между людьми. Так называемый антропогенез, видимо, сложился по неизвестным нам глобальным причинам в предистории подвиды *Homo sapiens erectus*. Этот период был очень коротким.

В заключение надо сказать, что современные шимпанзе, орангутанги или гориллы почему-то не способны переступить известный рубикон. По непонятным причинам вымерли австралопитеки. Исчез и *Homo erectus*, который несомненно имел потенциальный разум близкий разуму ископаемого *Homo sapiens sapiens*. Во всяком случае, при столь широкой распространенности причиной его исчезновения являлись не экологические нарушения природной среды. Судя по его производству, он мог жить, по моему мнению, почти в любых широтах, не испытывая недостатка орудий-оружия, пищи, отапливаемых жилищ и др. необходимых вещей⁵. Довольно абстрактный, но резонный вопрос: не существует ли предопределенность молодости и старости, рождения и смерти, генетической жизни вида? Представляется, что ни один из видов современных человекообразных обезьян уже никогда не сможет перейти рубикон – от животного к человеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gardner R.A.* Comparative psychology and language acquisition // *Ann. T.H. Aced.*, 1978.

² *Gibson K.R.* Tool use, language and social behavior in relation to information processing capacities // *K.R. Gibson and T. Indold (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 255.*

³ *Tomasello M.* The question of chimpanzee culture // *Chimpanzee Cultures / R.W. Wrangham, W.S. Meyrew, F.B.M. de Waal and P.G. Heetne (Eds.). Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1994.*

⁴ *Keeley L.N. and Toth N.* Microwear polishes on early stone tools from Koobi-Fora, Kenya // *Nature. 293. 1981. P. 464-465.*

⁵ *Филиппов А.К.* Роль организации труда и символических средств в деятельности человека нижнего палеолита // *Археологические вести. № 10. СПб. (в печати).*

В.С. ПАТРУШЕВ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ В ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА*

Проблема формирования и ранней истории финно-угорских народов Европейской России и этнокультурные процессы между ними и индоевропейскими народами на уровне современных знаний представляются по-новому. Новые выводы нашли отражение в работах участников международной программы «Истоки народов и языков Северной Евразии» под руководством профессора Кюести Йулку (*Itämerensuomi eurooppalainen maa. Oulu, 1997; The Roots of Peoples and Languages of Northen Eurasia. I. Turku, 1998*). Археологические данные не говорят о существовании уральской общности на ранних этапах их развития, которая, очевидно, начинает формироваться лишь в ходе взаимодействия отдельных групп уральских народов в конце эпохи мезолита или даже в эпоху неолита¹. В работе на основе достижений ведущих отечественных исследователей представлена краткая характеристика эпохи палеолита и мезолита Европейской России и дана попытка выделить наиболее вероятных предков финно-угров.

* Работа выполнена как глава учебного пособия к спецкурсу «Финно-угры России», по темам НИР Центра археолого-этнографических исследований Марийского государственного университета за 2002 г.